

ДО ТОГО как прийти в кинематограф, Иван Лапиков двадцать лет играл в Волгоградском драматическом театре, исполнил за это время более ста ролей самого различного профиля. После этого он снялся в семи фильмах — «Председатель», «Непрощенная любовь», «Дом и хозяин», «Братья Карамазовы»...

— Довольны ли вы своей судьбой, Иван Герасимович?

— Не сказал бы. Из того, что я сыграл, мало что получилось. «Председатель», «Непрощенная любовь», «Дом и хозяин» — вот, пожалуй, и все. Остальное «пристройки», эскизы... Почему я столь суров к себе? Да потому, что в сценариях, которые мне часто предлагают читать, нет настоящего материала, глубокой жизненной основы. Приходится, как говорится, выжимать сок из камня, а это занятие малоперспективное, не из приятных...

— Какой из фильмов был для вас самым трудным?

— Все трудные. Легких не встречал. За каждую роль, если она по настоящему интересна, я принимаюсь, как новичок, словно до этого не играл ни в театре, ни в кино. Конечно, иной раз повторяешься, берешься с «полки», из прошлого театрального багажа. Но это издержки производства: пусть их будет как

НА ПОЛНОМ ✓ ПРЕДЕЛЕ

можно меньше.

— С чего начинается у вас работа над ролью?

— Прежде всего выясняю для самого себя, что должен делать мой персонаж. Не по сценарию, не по тому месту, которое уготовил ему автор в сюжете, а по внутренней логике поведения. Обнаружить тайные пружины характера, открыть его скрытые возможности, довести до естественности каждую реплику, улыбку, жест, паузу...

— Все это вы режиссируете наедине с самим собой?

— Да. Задолго до того, как начнутся съемки. Поймите, мне очень трудно: я вырос в театре, привык к множеству репетиций. А в кино их почти нет. Волей-неволей становишься режиссером собственной роли. А съемки, как правило, капризны и деспотичны: сюда нужно приходить в абсолютной готовности, с окончательно точным решением роли.

— Как вы относитесь к эпизодической роли? Я имею в виду хотя бы роль Лягавого, которую вы сыгра-

ли в фильме «Братья Карамазовы»...

— Я не могу сказать, что люблю эпизод. Однако отношусь к нему, как к любой большой роли, даже еще серьезнее. Позволю себе аналогию из области спорта: стайер, бегун на длинные дистанции, рассчитывает свой бег на разные отрезки — где-то пробежит медленнее, где-то быстрее; у спринтера такой возможности нет — расстояние от старта до финиша он проходит на полной «выкладке», с полной отдачей сил... Так и у актера, который снимается в эпизоде. У него есть минута. И «сыграть в минуту» нужно так, чтобы показать подлинный характер. И подчас характер недолгий.

— Роль, о которой вы мечтаете?

— Любая. Разумеется, если в ней есть глубокое человеческое содержание, яркая гражданская мысль, взлет духа. Люблю героев с большими огненными страстями. Кто-то хорошо сказал: «Будь холоден или горяч, только не будь теплым». Эта «теплота» мне противопоказана. Не понимаю актеров, которые играют и одну, и вторую, и третью роль — и всегда спокойны. И с такой же спокойной душой принимаются за четвертую... На полном пределе искусство живет, на полном пределе!

Беседу вел О. ЛАРИН.

Соб. мемуара, 1970, дека